

Небесные силы также обретают человеческий облик. Богородица является в темнице не только в традиционном образе, «яко чистая девица», но и ведет себя как земное сердобольное существо, «наклоняся лицом» к больному автору (235), она с его искаленной палачом рукою «яко играет» (249). Отношение автора к богородице хотя и уважительное, но вполне житейское. Автору кажется, что он не получил еще достаточного воздаяния за свою «работу» в пустыне Христу и богородице, которые не уберегли его от беса. Когда ему представляется, что богородица его «приказу» не послушала, он раздражается простодушными упреками, исполненными разговорных интонаций: «Видиши ли, владычица моя... вmale веть разбойник... меня не погубил, а ты не брежеши мене!» (235). Бытовой характер имеют и некоторые обращения автора к Христу: «Ну, свет мой... храни... келейцу мою и твою» (233).

Автор специально обращает внимание на обычный человеческий облик Христа: в темнице его воссиял свет «и сотворися ис того света воздушнаго лице, яко человеческое — очи, и нос, и брада» (255).

Когда Епифанию во сне является его покойный друг Евфросин, он обращается с ним совершенно реально: «с великой радостию... начаш лобызати и целовати его... и глаголати: „О, свет мой... Евфросинушко, ведаю аз, что ты давно умер... а ныне вижу тя, паки ожил ты“» (244). Автор непринужденно беседует с душою Евфросина, как будто бы его друг вернулся из дальнего путешествия, куда и ему самому предстоит скоро отправиться: «Скажи мне, свет мой, как там царство небесное... и живут как на оном свете тамо?». Не скрывая своих опасений, автор просит приятеля быть обстоятельным: «Да и грешникам како уготована мука та... огонь и червь... скажи мне... Евфросинушко, по ряду вся, боюся аз грешный муки вечныя...» (244).

Однако Епифаний не удовлетворяется внешним изображением своих отношений с потусторонним миром как отношений реальных и человеческих. По сравнению с житийной литературой в автобиографии Епифания резко возрастает активность главного героя. Автор является не столько объектом воздействия потусторонних сил (враждебных ему или дружественных), сколько деятельным участником в их столкновениях. Поэтому для него приобретают особое значение пристальные наблюдения за собственными действиями в этой борьбе. Эти самонаблюдения приводят его к разработке приемов литературной материализации видений, т. е. изображения их в осязаемой, натуральной конкретности.

Наиболее показательным средством такой автобиографической материализации чудес и видений становятся описания автором тех действий, которые осуществляются им самим или богородицей при помощи их рук. Автор внимательно следит за тем, как богородица «в руках у себя беса мучит». Процесс этого действия рисуется во всей его конкретной последовательности, как бы в замедленном темпе: «И даде ми богородица беса уже мертваго в мои руки. Аз же взем у богородицы из рук беса... и начаш его мучити в руках моих» (236).

Столь же внимательно автор наблюдает и за своими руками в других случаях. Размышляя как-то во сне о том, почему бесы скрылись, не причинив ему вреда, автор «возрех на правую руку, и правой руке на мышце моей лежит образ вольяшной (литой, — *А. Р.*) медяной... богородицы». Попытка намеренного действия с его стороны разрушает это видение: «Аз же левою рукою хотел его взять, ано и нету» (234). По этому же способу строится и другое видение, когда после казни к правой руке автора прикасается уже не образ, а сама богородица. При этом традиционная картина превращается в живую жанровую сценку благодаря автобио-